

Васильева Татьяна Ниловна

ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ ЖАНРОВОЙ ФОРМЫ ТАНКА В ТВОРЧЕСТВЕ Н. ГЕРАСИМОВА-АЙТАЛЫНА

Статья посвящена изучению поэтики японской жанровой формы танка в творчестве члена Союза писателей, заслуженного работника культуры Республики Саха (Якутия) Н. Герасимова-Айталына (1939-1996). Выявлены особенности соответствия канонам японской поэзии: следование основным правилам и традициям (стилистические, строфические и композиционные критерии), эстетическим принципам и категориям. А также рассмотрена национальная специфика освоения жанровой формы, что проявляется в раскрытии образа, звукописи, стремлении к выражению национального мировосприятия.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/11-1/11.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 11 (29): в 2-х ч. Ч. I. С. 46-49. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Такие распространители часто появляются в контексте глаголов перемещения объекта: ср. *швырнуть, посадить, положить, сунуть, спрятать, засунуть... к себе*: *С большим трудом преступник одолел следователя, вырвал у него приказ о собственном аресте и спрятал к себе в карман; Они брали меня на руки, сажали к себе на колени, гладили меня по голове... прекрасные женщины; Он вытащил заочневшие руки из варежек, сжал их в кулаки и сунул к себе за пазуху* [Там же].

Итак, формы *у себя, к себе* обладают собственным структурно-смысловым значением и на этом основании считаются устойчивыми единицами во фразеологических словарях. В то же время они похожи по семантике на обороты типа *к другу, у друга*, которые фразеологизмами считаться не могут. Исходя из этого было бы более правильно относить конструкции *к себе / у себя* к лексико-грамматическим фразеосочетаниям. Лексико-грамматическими фразеосочетаниями в лингвистической литературе называются фразеосочетания, в которых определенная лексема сочетается с определенной граммемой. «Сочетание лексемы и граммемы имеет те же типы сочетаний семем, что и сочетания лексем» [3, с. 56]. В заключение отметим, что конструкции с возвратным местоимением *к себе / у себя* обладают неоднозначной лексико-семантической структурой и являются актуальным предметом для дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Берестнев Г. И. Семантика русского языка в когнитивном аспекте. Калининград: Изд-во КГУ, 2002. 157 с.
2. Буняева О. С. Семантические особенности функционирования возвратного местоимения *себя* в конструкциях *к себе, от себя* при глаголах каузации перемещения объекта // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 8. С. 11-17.
3. Копыленко М. М., Попова З. Д. Очерки по общей фразеологии. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1989. 191 с.
4. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 28.09.2013).
5. Рахилина Е. В., Кузнецова Ю. Л. Грамматика конструкций: теории, сторонники, близкие идеи // Лингвистика конструкций / отв. ред. Е. В. Рахилина. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2010. С. 18-79.
6. Русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. Т. 2. 709 с.
7. Фразеологический словарь современного русского литературного языка: справочное издание в 2-х т. / под ред. А. Н. Тихонова; сост. А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, А. В. Королькова. М.: Флинта; Наука, 2004. 1664 с.

ON PREPOSITIONAL CONSTRUCTIONS WITH REFLEXIVE PRONOUN *К СЕБЕ / У СЕБЯ*

Bunyaeva O'ga Sergeevna

Moscow State Pedagogical University

Bunyaeva.o@yandex.ru

The article considers the functioning of the reflexive pronoun “себя” in constructions “к себе / у себя” governed by the verbs of different semantic groups. The question about the lexical-grammatical status of these forms is raised: whether they can be classified as phraseological units or free phrases. Basing on the identified semantic features of the constructions “к себе / у себя” the author suggests classifying them as lexical-grammatical phraseological combinations.

Key words and phrases: reflexive pronoun; prepositional construction; corpus; semantic meaning; lexical-grammatical phraseological combinations.

УДК 82

Филологические науки

Статья посвящена изучению поэтики японской жанровой формы танка в творчестве члена Союза писателей, заслуженного работника культуры Республики Саха (Якутия) Н. Герасимова-Айталына (1939-1996). Выявлены особенности соответствия канонам японской поэзии: следование основным правилам и традициям (стилистические, строфические и композиционные критерии), эстетическим принципам и категориям. А также рассмотрена национальная специфика освоения жанровой формы, что проявляется в раскрытии образа, звукописи, стремлении к выражению национального мировосприятия.

Ключевые слова и фразы: якутская лирическая поэзия; твёрдые формы лирики; цикл; танка; Н. Герасимов-Айталын.

Васильева Татьяна Ниловна, к. филол. н.

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

VTatyanaN@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ ЖАНРОВОЙ ФОРМЫ ТАНКА В ТВОРЧЕСТВЕ Н. ГЕРАСИМОВА-АЙТАЛЫНА[©]

Японские жанровые формы в процессе литературного развития и взаимодействия культур во многих странах находили своё особое выражение, придерживаясь при этом классических канонов на основе тематики

и строфических признаков. И в России уже некоторые поэты Серебряного века пробовали писать подражания японским поэтам, а в советское время появились русские верлибры, где присутствует традиция классической японской поэзии. Такие произведения на русском языке сейчас можно увидеть в книгах, в журналах, в Интернете и авторских рукописях [8, с. 67].

Национальные литературы в большинстве случаев заимствуют какую-либо строфическую форму на основе своих традиционных особенностей. В таких случаях соблюдается общий дух инациональной жанровой формы, что подтверждает, например, вхождение танка в якутскую лирику в 1960-70-е гг. Поэты часто не придерживались канонического слогового принципа танка (5-7-5-7-7), «вдохновлялись лишь общим его духом, приспособлявая, вернее, воссоздавая свои национальные варианты» [7, с. 134]. По тематике миниатюры якутских лириков представляли собой философские размышления о природе, выступающей аналогией явлений жизни человека. В них раздумья в основном связывались с диалектикой конкретных явлений в жизни автора. В образном восприятии природы поэты раскрывали состояние души, что придавало особый психологизм миниатюрам.

Одним из первых примеров классической жанровой формы танка в якутской лирике можно назвать произведения поэта, прозаика Николая Афанасьевича Герасимова-Айталына, которые намного приблизились по стилистическим (тематика, образность и ассоциативность), строфическим и композиционным критериям к оригиналам. В этом отношении особое место в его поэзии занимает цикл танка «Нуһаранҕа» («В тишине», 1984), который состоит из 12-ти произведений, где автор строго придерживается слогового принципа жанровой формы с помощью двух-, трёхсложных слов. Двухсложные слова насчитывают 84 единицы, а трёхсложные – 41, 46 и 22% от общего количества слов соответственно. Пятисложные строки имеют 8 ритмических вариантов, где большинство выражено в схеме 3-2 (7 раз), 2-2-1 (5 раз). Семисложные строки имеют 16 ритмических вариантов. Наиболее часто встречается вариант 2-2-3 (14 раз), а также 4-3 (5 раз). Начальная аллитерация отмечена в 30-ти строках, то есть занимает 50% (100% – 60 строк). Глубина созвучия обычно достигает 2-3 звуков:

Хаар-тыал сабаама,	5	Снег и ветер, не ударяйте,
Хаайа-күөйэ сатаама	7	Не старайтесь загнать в тупик
Хас дабаан ахсын.	5	На каждом подъёме.
Буурбаран да будулун –	7	Пусть метель метёт –
Булуобум барар суолбун [3, с. 27].	7	Всё равно найду дорогу

(здесь и далее перевод выполнен нами – Т. В.).

Внутристиховая аллитерация наблюдается в 11-ти случаях (18%), наибольшее количество составляют в стихах парные созвучия слов. Здесь заключается своеобразие жанровой формы, складывается особая интонация стиха, которая углубляет раскрытие печальных мотивов многих произведений. В 12-ти произведениях наблюдаются также 8 вариантов рифмовки, обусловленные созвучием слов, но нехарактерные для жанровой формы танка (например, *ababb*, *aabbb* и др.) [2, с. 99].

Все танка состоят из пяти строк и делятся на две смысловые части. Разделение осуществляется с помощью синтаксической законченности (параллелизма) и интонационной паузы. Первая часть (три строки) во многих случаях связана с природными картинками, а вторая (две строки) – с душевным состоянием лирического героя. Таким образом, соблюдаются формально-композиционные особенности жанровой формы.

Тема дружбы, любви, одиночества и разлуки становится сюжетным ориентиром многих произведений. В своём циклическом единстве они раскрывают общую философскую тему. Поэт размышляет о жизни, природе, любви, нравственных ценностях, жизненных страданиях. Основным отличием содержания стихотворений является недосказанность, что заставляет читателя задуматься и приближает танка Н. Герасимова к японской поэтике. Можно отметить наличие во всех произведениях названий, где отражается авторский идейно-тематический замысел.

Танка Н. Герасимова – поэзия живописная и романтическая, основанная на тонком восприятии перемен и в природе, и в человеческой душе. Так, большинство произведений цикла связано с любовью, которая тесно переплетается с описанием природных явлений. Таким образом, пейзажная и любовная лирика соединяются в одном стихотворении. Например:

Таптыырбын эппит	5	Пришла весна
Татыйыктаах кырдалбар	7	На бугор с поющей синицей,
Дайан кэллэ саас.	5	Где я признался в любви.
Биһигини үтүктэр	7	Нам подражает
Онно үүнэр эдэр саас [3, с. 27].	7	Цветущая там молодость.

Здесь слово «саас» используется в двух значениях: «весна» – традиционный символ любви и молодости в поэзии – и «молодость». К японской поэтике танка приближает и образ птички, символизирующий пробуждение природы, что ассоциируется с кукушкой, знаменующей в японской лирике наступление лета [4, с. 62]. Этот способ создания произведения называется «киго» («сезонное слово»), он рождает определённую ассоциативность, связанную с тем или иным сезоном, и включает в себе целую картину [1, с. 209].

Все произведения объединяет задушевный мир и единый настрой образности. Понятие «юген» в японском искусстве также обозначает тишину, душевное спокойствие, раскрытие с его помощью прекрасного

всегда призывает к тишине и одиночеству [5, с. 15]. Тональность, внутренний мир произведения Н. Герасимова соответствует именно этому понятию: для его лирического героя одиночество – грустное состояние, исполненное самоуглубления и единения с окружающей обстановкой:

Аргыйдых ааммын	Тихо дверь
Сабан тахсан барбытым	Прикрыв, ушёл
Ол сөрүүн киэһэ.	В тот прохладный вечер.
Ким да суоҕа тиэргэннэ,	Никого во дворе не было,
Арай самыыр түһэрэ [3, с. 27].	Только дождь шёл.

Тишина, разлука, прохладный вечер, одиночество и дождь, названные в каждой строке, позволяют увидеть здесь принцип «сиори», который понимается как чувство любви и сострадания, печали и жалости. Он выводит стихотворение за пределы узкого мира человеческой печали, превращая её в печаль самой природы [1, с. 201-202]. «Переживания, раздумья поэта переданы в духе восточного мирозерцания: неуловимые штрихи, смутные очертания образов, формирующие основную идею, – характерные черты танка поэта Н. Герасимова-Айталына» [6, с. 70].

В образной системе танка Н. Герасимова также находим и национальное своеобразие. Например, лирический герой, полагаясь на своих друзей и близких, уверен, что не останется одиноким как *сэргэ* (коновязь). Подобный настрой создают и такие родные для любого якута понятия, как *алас* и *белые ночи*. *Алас* как окружающий мир ассоциируется с миром души лирического героя (весна в аласе – весна в душе). Нет ничего лучше и прекраснее, чем биение сердца при встрече белых ночей после долгой зимы (*белые ночи* вполне могут восприниматься как «якутское» сезонное слово, которое вызовет в воображении «каждого якута» картину данного сезона). Данный эпитет используется и в антитезе «тёмное – светлое»:

Ый быһа түүннэр	Лунные ночи
Кытта сырдык этилэр	Тоже светлые были
Эн баар кэмнэргэр.	Когда ты была.
Аны үрүҥ да түүннэр	А теперь белые ночи
Өлбөөдүһэн эрэллэр [3, с. 27].	Начинают блекнуть.

С традиционным мировоззрением якута связано использование понятия *куһаҕан тыын* (злой дух). Птичка, раньше вившая гнездо над домом лирического героя, спешно улетает, как от злого духа, который символизирует здесь отсутствие духа семьи, тепла очага и связан с разлукой, углубляет печаль и трагедию одиночества.

Во многих танка намечаются два основных семантических центра: «Я» (выражено местоимением 1-го л. или псевдонимом поэта) и «Ты» (местоимение 2-го л. или обращение «друг»). Любовные танка – это послания к любимой о боли расставания и печали разлуки. Лирический герой одинок, соединение с любимой возможно лишь в воспоминаниях и воображении (танка № 4 и № 5). Нередко их объединяет только нереальный мир – сон (№ 6 и № 9). Символ невозможности реальной любви – дверь, которую он тихо закрыл при расставании (№ 3), и, как следствие этого события, запертая, отрешённая от внешнего мира дверь души героя (№ 1). Вернуться к жизни герою помогли друзья, он надеется на их помощь и поддержку и в дальнейшем, поэтому уверен в том, что преодолет жизненные тяготы, словно нашёл путь в зимнюю стужу сквозь ветер и снег (№ 2). Но любовь всё ещё горит в его сердце. Частое использование образов огня и сердца усиливает силу любви (№ 8) и углубляет печаль воспоминаний (№ 7 и № 10). Любовь в разлуке подобна беззвонки и тёмной ночи, из которой может вытащить только она, что подтверждают названия произведений «Только ты», «Надеюсь, не забыла». Но от неё нет ответа, из-за этого поэт часто использует риторические вопросы, адресованные лишь самому себе и нагнетающему безмолвию. Всё вокруг изменилось – и окружающая, и внутренняя среда героя (№ 11). В одиночестве весь мир даже в полдень кажется тихим вечером (заключительное танка № 12), что закрепляется названием всего цикла «В тишине». Именно в таком циклическом единстве танка Н. Герасимова можно охарактеризовать как произведения, исполненные «*каруми*» – «легкости», эстетического понятия, способности видеть высокую поэтичность в обыкновенных, повседневных вещах и воспевать её легко, просто, без всяких украшений [8, с. 79].

Таким образом, изученные произведения близки к типологии оригинала по формальным и композиционно-стилевым принципам. Танка в творчестве Н. Герасимова получают свою художественную реализацию в форме цикла, где выражается единая тематика. Поэт строго придерживается слогового принципа и строфической организации японской жанровой формы. Связь описания природы, окружающего мира с душевным состоянием лирического героя соответствует двухчастной структуре танка. Общее типологическое сходство изучаемых танка с японской поэтикой находим в следовании эстетическим принципам (*юген*, *сиори*, *каруми*), использовании сезонных слов (*киго*), ассоциативности, недосказанности и иносказания. Отличие якутских произведений в национальном мироощущении, интерпретации образов, в сохранении элементов живой традиции фольклора: изобразительных средствах, в появлении особой рифмовки и роли аллитерации.

В заключение следует отметить, что исторически литература осуществляет миссию межкультурного и межнационального общения на индивидуальном уровне гораздо успешнее и глубже. И, возможно, появление японской жанровой формы танка в якутской лирике, а именно в творчестве Н. Герасимова-Айталына, позволит найти такие точки соприкосновения в мировоззрении, менталитете, культурных кодах разных народов, которые могут сблизить лучше любых других способов.

Список литературы

1. **Бреславец Т. И.** Очерки японской поэзии VIII-XVIII вв. М.: Восточная литература, 1994. 237 с.
2. **Васильева Т. Н.** Поэтика твердых форм в якутской лирике: особенности освоения восточных и европейских художественных традиций. Новосибирск: Наука, 2011. 184 с.
3. **Герасимов Н. Г. – Айталын.** Ийэ кутум. Якутск: Кн. изд-во, 1984. 92 с.
4. **Григорьева Т. П.** Красотой Японии рожденный. М.: Искусство, 1993. 460 с.
5. **Маркова В.** Предисловие // Японская классическая поэзия. Смоленск: Русич, 2003. С. 5-29.
6. **Попова М. П.** Современная якутская поэзия (1980-2000-е гг.): учебное пособие. Якутск: Изд-во Якутского ун-та, 2007. 117 с.
7. **Тобуроков Н. Н.** О некоторых закономерностях развития поэзии народов Сибири (1917-1967 гг.) // Тобуроков Н. Н. Вечный поиск волшебства. Якутск: Кн. изд-во, 1981. С. 126-135.
8. **Цутида Кумико.** Диалог с русскими трехстишиями. В поисках сущности поэзии хайку // Россия – Япония: на путях взаимопонимания культур. М.: Издательство ЛКИ, 2009. С. 67-83.

FEATURES OF TANKA GENRE FORM POETICS IN N. GERASIMOV-AITALYN'S CREATIVE WORK

Vasil'eva Tat'yana Nilovna, Ph. D. in Philology
M. K. Ammosov North-Eastern Federal University
VTatyanaN@yandex.ru

The article is devoted to the study of the Japanese tanka genre form poetics in the creative work of member of Writers' Union, Honored worker of culture of the Republic of Sakha (Yakutiya) N. Gerasimov-Aitalyn (1939-1996). The features of the correspondence to the canons of the Japanese poetry are revealed: following the basic rules and traditions (stylistic, strophic and compositional criteria), aesthetic principles and categories. And also the national specificity of genre form assimilation, which is manifested in revealing the image, tone-painting, striving to express the national perception of the world, is considered.

Key words and phrases: Yakut lyric poetry; solid forms of lyrics; cycle; tanka; N. Gerasimov-Aitalyn.

УДК 808.5

Филологические науки

В статье представлен психолингвистический аспект уровневой модели развития коммуникативной ответственности как основополагающей для личностного и профессионального роста способности человека. Автором выделены и охарактеризованы основные компоненты предложенной модели: субъект, объект, инстанция, санкция коммуникативной ответственности, тип поведения и позиционирования личности в деятельности в соответствии с уровнем развития коммуникативной ответственности.

Ключевые слова и фразы: коммуникативная ответственность; актер; субъект; автор; тип позиционирования личности в деятельности; тип поведения.

Воронина Наталья Анатольевна

*Благовещенский государственный педагогический университет
natalia.voronina.1983@mail.ru*

УРОВНЕВАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ[©]

В предыдущей статье [4] нами была раскрыта сущность понятия «коммуникативная ответственность», выделены уровни ее развития, охарактеризованы уровни коммуникации, свободы и ответственности на каждом из них.

Цель данной статьи – осуществить дальнейшую конкретизацию феномена «коммуникативная ответственность», в частности его психолингвистический аспект, на основе уровневой таблицы-модели, отражающей взаимодействие и взаимообусловленность основных структурных компонентов этой способности.

Стремление личности быть коммуникативно ответственной в процессах порождения, воспроизведения, осмысления информации, полученной в процессе взаимодействия с окружающей действительностью, приобретает особую значимость в условиях информационно-коммуникативного общества, где уровень ценности человеческого капитала измеряется не количеством освоенной информации, а способностью ее критического восприятия, интерпретации и применения в реальных коммуникативных ситуациях.

Противоречивость, стремительная изменчивость, парадоксальность как основные характеристики эпохи глобализации, виртуализации и информатизации общества предъявляют к человеку высокие требования. В современном обществе назрела острая необходимость в том, чтобы каждый его член был коммуникативно ответственным субъектом, обладающим способностью в процессе взаимодействия с окружающим миром самостоятельно определять выбор слов, смыслов, поступков, соотнося их с принятыми в обществе или сообществе